

- Подожди, но как же ты тогда...

- Да, конечно. Я ношу с собой маленькую грушу, которую мама подарила мне на начало учебного года. Она совсем не такая мощная, как мамин мешок, но она позволяет покакать в середине дня, когда я в интернате.

Тут она разревелась, но сквозь слезы Граф уловил слова «сегодня ее забыла...»

- Подожди, не плачь - Граф прижал ее к себе. - А как же какали женщины задолго до революции, когда еще никакой резины не было?

- Это совсем стыдно рассказывать - покачала головой Оленька. Еще до эпохи Просвещения, темное было время, ужасное, унижительное. Ты знаешь, мужчина - глава семьи. А у мужчины между ног пися не такая, как у девочек...

- Подожди, ты хочешь сказать, что... мужчина писал в попку своей жене?

- Я же говорю, это стыдно и унижительно. Я ведь не знаю, как выглядит мужская пися... Но пару раз из маминих разговоров я слышала, что это очень-очень, ужасно больно и неприятно, потому что мужская - это само по себе очень стыдно, да еще она очень толстая, раздирает попку, когда входит и как наждаком проходится по нежным и чувствительным складочкам внутри попки. Боль невыразимая, хотя сейчас я чувствую, что заслужила ее, раз была такой дурой, что забыла дома грушу. Именно поэтому женщины в прошлом так хотели выйти замуж - ведь отцу семейства было очень тяжело обеспечивать всех женщин. И потому же потеря мужа была самой страшной из бед.

- Слушай, но это же выход, - сказал Граф. - Судя по твоему виду, тебе явно не будет хуже, если мы сделаем так, как люди прошлого.

- Ну, я не знаю... пися... стыдно... - пробормотала Оля, но было видно, что ей явно нехорошо и она уже на все согласна, лишь бы избавиться от дискомфорта.

- Раздевайся - сказал Граф - снимай юбку.

- Нет-нет, что ты! - вскочила Оля. - Это неприлично, давай делать, как с просто клизмой...

Тут она наклонилась и легла грудью на ствол дерева, затем начала медленно и неохотно поднимать полы длинной юбки. Вот показались колени, вот ажурные резинки от чулок... Граф уже с нетерпением ожидал увидеть ее трусики, как она вдруг резко дернула юбку до конца и оказалось, что никаких трусиков на ней нет. И ничего не могло подготовить Графа к тому, что он увидел...

Он увидел алебастрово-белоснежные ягодицы, половинки ее попки, нежный девичий разрез внизу живота, еще не покрытый волосами, такой загадочный, и... Он ожидал увидеть ее попку, как сморщенное колечко мышц, но между двумя очаровательными половинками, он увидел странный предмет, как будто ее попочка была чем-то заткнута. «Ой!» - сказал Граф и нерешительно дотронулся до пробки. Оленька вздрогнула, как будто ее поразило током. «Что это?» - спросил Граф.

«Да, я совсем забыла тебе рассказать» - ответила Оля. «Это пробочка. Она нужна девочкам, чтобы затыкать и прикрывать собой эту грязную дырочку. Один раз

попробовав, ее ощущение уже не забудешь никогда. Ты все время помнишь, что уязвима, что не должна резко двигаться. Мама говорит, что она очень хорошо влияет на походку и на ощущение женственности и красоты. "

Граф осторожно потянул пробочку на себя и Оля застонала. Граф потянул сильнее, кожа вокруг пробочки натянулась - попка явно не хотела просто так отдавать свой ценный артефакт. Наконец пробочка вышла, Граф взял ее и осторожно завернув в бумажный носовой платок, положил в сумочку Оли. Потом он спустил штаны и попытался приставить своего малыша к Олиной попке. Результат не превзошел ожиданий. Мягкий и податливый член как будто расплющивался о тугую дырочку и не мог идти дальше.

- Прости, Оля. Кажется, не получается. - осторожно начал он.

Оленька издала вздох разочарования и начала было подниматься, но тут Граф заметил:

- Нам надо просто привести мою писю в чувство. Ты знаешь, у мальчиков пися иногда смотрит вверх и становится больше и сильнее.

- Как это? - спросила Оля.

- Очень просто. Я заметил, что пися встает, когда я вижу открытую кожу у девочек, или ласкаю ее сам. Оленька, а попробуй поласкать мою писю язычком...

- Фу... ну ты же из нее писаешь...

- Ну как знаешь. Я думал, тебе будет интересно...

- Давай!

Олю было уже не остановить. Было видно, что она уже считает себя совсем пропащей и ничего не боится. Граф подошел к ней спереди, по пути отбросив штаны, Оля взяла его пенис своей рукой и аккуратно оголила головку. Сразу стало заметно, что к члену прибывает кровь. Уже не раздумывая, она взяла его в рот и начала активно облизывать. От такого обращения член в момент ожил, вырос и стоял, как египетский обелиск. Граф обошел Олю, и ни секунды не раздумывая, приставил смазанный слюной член к попке и надавил.

Пара секунд, и головка прошла первый сфинктер, а Оля взвыла от боли и начала прищептывать "... это мне за забывчивость... это я грешила... это наказание... ". Из глаз у нее потекли слезы, но она не сделала даже попытки отстраниться. Граф остановился и стал ждать. Через несколько секунд боль явно либо утихла, либо сделалась терпимой, и Граф обхватил ее за талию и стал настойчиво двигаться вперед, раздвигая бархатистые, нежные стеночки ее ануса. Он остановился только войдя до конца и спросил: "Ну как?"

Оля обернулась на него, улыбнулась и сказала: "Ну что ж, теперь я понимаю, как это. Как это - быть действительно исторической девочкой". Граф попытался расслабиться, но ее попка так сильно сжимала его, что для этого не было никакой возможности. Тогда он начал потихоньку двигаться назад-вперед. Оленька недоуменно взглянула на него, и хотела было возразить, но потом представила себя: нагнулась, задрана юбка, во рту вкус мальчишеской писи, руки раздвигают ягодицы, а в попе на всю длину находится большой толстый мужской член... она ничего не возразила, только слабо застонала.

Граф воспринял это как сигнал - он начал напористо двигаться взад-вперед, уже ни на что не обращая внимания. Олина попка сжимала его член как тугая перчатка, как доильный аппарат. Он двигался все быстрее и быстрее, и его головка сквозь стенку попки массировала

стенку Олиного влагалища. Оля расстегнула блузку и уже забыв о маме, приличиях и грехах нежно, но сильно ласкала свои юные грудки.

Долго так продолжаться не могло. Граф издал какой-то нечленораздельный, доисторический рев и войдя в Олю до конца, вылил свое первое настоящее семяизвержение в распластанную красавицу, самую строгую девочку класса. Прошла секунда, и его член уже начал пропускать что-либо кроме спермы. Член опускался, терял в размерах, а в это время внутри него нарастала волна - и вот он уже писает в нее, писает полной струей, все несколько часов сберегаемой мочи льются сплошным потоком внутрь нее. Ее животик заметно растет, и она чувствует, что он не обманул ее только для того, чтобы посмотреть на ее срам - что он действительно делает то, что обещал.

Но вот он кончил, и вытащил опавший, сделавший свою работу член из нее. Немедленно за этим он взял пробочку, развернул и быстро, пока она не успела снова зажать мышцы, засунул пробочку ей в попку. От такого вторжения она резко дернулась, по телу прошла судорога, и она крепко-крепко зажала попку сфинктером.

- Тебе нужно полчаса подождать.

- Конечно. Как ты скажешь.

Видно, что ей некомфортно. Отсутствие привычного похода в туалет, боль от неожиданного анального соития (впрочем, они пока не знают таких слов), растянутый животик. Ей неудобно, но она прижимается к нему, инстинктивно принимая его как главного. Раз он сказал, что нужно подождать - она подождет.

Наконец проходит какое-то время. Нет, не полчаса. У него нет часов, да и сказал он период взятый с потолка, вернее, из ее слов. Они идут к канаве. Канавка вдоль забора. По дну канавы течет ручей. Она уже ничего не стесняясь, задирает юбку и садится над канавой. Он пристально смотрит на ее промежность. Хотя он сейчас и ее ведущий, он все еще маленький мальчик, который никогда до этого не видел девичьей писи. Она маленькая девочка, и на самом деле ей приятно, что на этот раз можно не смущаться, и расслабиться, расслабить клапаны все время зажатые, и открывающиеся только во время самых неприличных моментов. Она расслабляется, из попки хлещет, из писи тоже хлещет, потому что ее мочевого пузыря тоже давно не опорожнялся. Он мнет ее голую грудь, потому что видел, как она это делает, и через пару секунд она кончает, не прекращая опорожняться.

Здесь мы покинем Графа и Олю. Чем окончилась история, каждый может домыслить самостоятельно. Быть может, они потом еще не раз занимались «клизмами» вместе, а может, Оля больше не забывала клизму дома. Может быть, они еще занимались сексом, как предназначено природой - пися в писю, а может и нет...

На этом сказке конец.

Пара замечаний:

о) Никаких обязательных клизм в царское время, конечно, не было.

1) И большевики, конечно, ничего не отменяли.

2) И про писать в попку - тоже сплошное вранье.

3) Долго ходить с butt-plug - опасно для здоровья.

4) Ежедневные клизмы - опасно для здоровья.

5) Угадайте, по сколько им лет?

Если прекрасная девушка 18-30 лет хочет вместе поразмыслить на тему написанного, или чего гляди, продолжение написать, или поиграть "на тему" - меня можно найти по адресу alkyne.1@gmail.com

Плюшки и косяки - по тому же адресу.

Копирайт: Этот текст распространяется по принципу copyleft. Вы можете распространять и изменять его, при обязательном указании оригинального автора - alkyne.1@gmail.com